

СЛУЖЕНИЕ ПЕДАГОГИКЕ И ОБРАЗОВАНИЮ

Монументальный образ К. Д. Ушинского у главного корпуса РГПУ им. А. И. Герцена давно стал привычным для студентов и преподавателей университета. Кажется, памятник стоял здесь всегда. Открыт же этот памятник (работы скульптора В. В. Лишева¹) в 1961 г. Он вписался в панораму парадного въезда на университетскую территорию с набережной Мойки и стал привычным. А привычный образ не слишком волнует, не тревожит, не вызывает душевный подъем...

И если спросить проходящих мимо памятника Ушинского людей, то, наверное, далеко не каждый скажет, в чем его заслуги перед отечественным образованием и педагогикой. Вряд ли многие вспомнят, что он основатель отечественной педагогики, автор знаменитых учебных пособий «Детский мир» и «Родное слово», создатель фундаментального труда «Человек как предмет воспитания», интереснейших очерков «Педагогическая поездка по Швейцарии» и других, не потерявших своего значения сочинений.

Но, слава богу, есть юбилейные даты. По С. И. Ожегову, самое первое значение слова *юбилей* — это «годовщина чьей-нибудь жизни, деятельности, существования кого-чего-нибудь (обычно о круглой дате)». Эти годовщины — «круглые даты» и побуждают время от времени вспоминать великого человека, задумываться о его величии, о неисчерпаемости и жизненной силе его идей, о его исторической роли.

2 марта 2009 г. исполняется 185 лет со дня рождения К. Д. Ушинского. Эта дата обязывает с позиции нашего времени оценить идеи и мысли этого человека, вспомнить, почему стоит здесь его памятник, почему одна из самых почетных педагогических наград носит имя Ушинского, а крупнейшей научно-педагогической библиотеке страны тоже присвоено его имя.

Что мы знаем об Ушинском? Кто и какой он был? Чем интересовался, кроме педагогики? Почему, став специалистом в области философии права, обратился к проблемам образования? Как он пришел от камеральных наук² к педагогике? Почему именно к нему обратилась императрица Мария Александровна (жена Николая I) за советом о воспитании внука (сына императора Александра II)? Почему, обладая поистине энциклопедическими знаниями, Ушинский увлекся идеей создания учебных пособий по русскому языку? Почему идеи Ушинского не стали архивными, а воспринимаются глубоко современными?

Прожил этот человек всего лишь 46 лет. Очерк его жизненного пути не отличается бурной чередой событий. Именно об этом думаешь, когда читаешь биографическое повествование из серии книг библиотеки Ф. Ф. Павленкова³. И все-таки какой насыщенной и плодотворной предстает эта совсем не длинная жизнь!

Уроженец Тулы. Сын мелкопоместного дворянина, участника войны 1812 года. Мать Любовь Степановна была первым учителем сына и хорошо подготовила его к

поступлению в гимназию. Это было уже после переезда семьи в старинный Новгород-Северский. Этот город известен всем, кто читал «Слово о полку Игореве» (князь Игорь Святославич был князем Новгород-Северским). А гимназия эта была первой на Украине. В ней до Ушинского учился замечательный просветитель М. Максимович (перевел «Слово о полку Игореве» на украинский язык), а после Ушинского здесь учились будущие народники Н. Кибальчич и А. Михайлов.

Каковы основные вехи жизненного пути К. Д. Ушинского?

1840–1846 гг. — годы учения в Московском университете, на юридическом факультете, который Ушинский закончил с золотой медалью. Его учителями были Т. Н. Грановский, П. Г. Редкин. Именно П. Г. Редкин, профессор философии права и государства, блестяще образованный гегельянец, аттестовал Ушинского и рекомендовал его в Демидовский юридический лицей (Ярославль). В студенческие годы Ушинский много работал, изучал сложнейшие философские учения, глубоко постигал историю Великой французской революции. Любил театр, даже написал трагедию. Давал частные уроки, зарабатывая на жизнь.

1846–1850 гг. В 1846 г. К. Д. Ушинского назначают и. о. профессора камеральных наук на кафедру энциклопедии законовещения, государственного права и науки финансов в этот лицей. Он, наряду с Царско-сельским, Катковским (Москва), Ришельевским (Одесса), Нежинским (Нежин), выдавал выпускникам аттестаты, приравненные к университетским.

Преподавание в лицее стало началом педагогического пути. Но отсюда К. Д. Ушинский был вынужден уйти через три с половиной года. Почему? Один из известных исследователей творчества К. Д. Ушинского профессор В. Я. Струминский считает, что после ревизии лицея Ушинскому и его двум товарищам было предложено найти себе другое место службы: «Очевидно, какой-то оттенок политической неблагонадежности в их работе был найден»⁴. Этот

«оттенок политической неблагонадежности» легко узнается в «Лекции о камеральном образовании» (1848) — первом педагогическом сочинении будущего ученого-педагога. И год этой лекции (1848!) остро проявлял человека на предмет политической благонадежности.

1850–1855 гг. Переехав в Петербург, К. Д. Ушинский становится чиновником (помощник столоначальника в департаменте духовных дел иностранных исповеданий). Одновременно он занимается литературным трудом — пишет статьи для «Современника» и «Библиотеки для чтения». Это не были педагогические статьи. В основном это были обзорные и критические произведения, статьи по географии, рефераты, хроники, переводы.

1855–1859 гг. С 1855 г. местом педагогической службы станет Гатчинский сиротский институт. Именно в Гатчинском институте началось становление педагога. Здесь ему довелось познакомиться с одним из лучших собраний педагогической литературы. Это собрание принадлежало ученику И. Г. Песталоцци — Е. О. Гугелю, бывшему инспектору сиротского института. «Этим двум шкафам я обязан в жизни своей очень многим, и, боже мой! От скольких бы грубых ошибок был избавлен я, если бы познакомился с этими двумя шкафами прежде, чем выступил на педагогическом поприще!» — писал К. Д. Ушинский в конце жизни⁵.

1859–1862 гг. — Смольный институт благородных девиц. На должности инспектора К. Д. Ушинский начал широкую реформаторскую деятельность. Она включала несколько направлений: уравнивание образовательных курсов в благородном и меццанском отделениях; расширение курса русского языка и естественных дисциплин; создание педагогического класса; предоставление права воспитанницам выходить и выезжать за пределы института на каникулах и в праздники. Именно здесь и в этой деятельности у Ушинского образовался круг единомышленников, которые впоследствии стали известными учеными-педаго-

гами: Д. Д. Семенов, В. И. Водовозов, Л. Н. Модзалевский, О. Ф. Миллер и др. Но и отсюда пришлось уйти: неблагоприятные отношения с начальницей института стали причиной прошения об увольнении.

Почти одновременно со службой в Смольном институте К. Д. Ушинскому было поручено редактировать «Журнал Министерства народного просвещения», который издавался с 1834 г. Начало работы в журнале — 1860 г.! Какое это было время (начало 60-х гг.), читатель знает.

В журнале за короткое время (уже в 1861 г. Ушинский был освобожден от должности редактора) появились многие ставшие известными работы К. Д. Ушинского: «Труд в его психическом и воспитательном значении», «О нравственном элементе в русском воспитании», «Проект учительской семинарии», «Родное слово» и др. Но и позднее здесь были напечатаны такие работы Ушинского, как «Педагогические сочинения Н. И. Пирогова», серия статей «Педагогическая поездка по Швейцарии».

В это же время создаются учебные книги для чтения: «Детский мир» (для детей старшего возраста), проспект «Родного слова» (для младших детей), большие педагогические и методические статьи.

1862–1867 гг. — длительная заграничная командировка для изучения женского образования с периодическими приездами в Россию для издания своих произведений и составления новых педагогических проектов.

1867–1870 гг. — работа над фундаментальным трудом «Человека как предмет воспитания: опыт педагогической антропологии».

22 декабря 1870 г. — кончина в Одессе по дороге в Крым, куда Ушинский ехал лечиться.

Последняя прижизненная статья К. Д. Ушинского — «Общий взгляд на возникновение наших народных школ». В ней ученый связывал судьбу народной школы с судьбой самого народа: «Не забудем, что этот народ создал тот глубокий язык, глубины которого мы до сих пор еще не могли измерить...»⁶

* * *

Вероятно, статья, написанная к юбилейной дате, не может быть разносторонней характеристикой жизни и научных взглядов выдающегося человека. Да и сам автор имеет право остановиться на тех идеях, которые ему кажутся не исчерпанными в истории образования и культуры и требуют к себе внимания, развития, осмысления.

Что привлекло мое внимание в сочинениях К. Д. Ушинского сегодня? Какие его идеи и мысли предстали как не утратившие до сих пор своего научного значения? Перечитывая старые и новые издания К. Д. Ушинского, пришла к близкой мне мысли о *гуманитарном* значении создаваемой им педагогики. При этом речь идет и о теоретических положениях работ ученого, и об их воплощении в учебных пособиях для детей. Второе представляется не менее важным, чем первое. Ведь о ценности педагогических идей судят не только по их системности, актуальности, новизне и обоснованности. Для педагогики важна их практическая ценность. К. Д. Ушинский показал реализацию идей на практике. Это были блестящие педагогические проекты, сразу получившие признание. Я имею в виду учебные пособия «Детский мир» и «Родное слово».

Я перечитываю тексты «Детского мира» и удивляюсь тому доверию, с которым разговаривает автор со своим маленьким читателем. Как, к примеру, начинается рассказ «О человеке»? Основной его текст посвящен рассказу об анатомическом строении человека. Рассказ начинается словами: «Я человек, хотя еще и маленький, потому что у меня есть такая же душа и такое же тело, как и у других людей»⁷. Ушинский не боится говорить с ребенком о жизни и смерти, о взрослении, об уме, о даре жизни, о совести, о душевных чувствах, о воле, о вере в бога. А заканчивается рассказ словами: «Человек одарен прекрасно устроенным телом, одарен жизнью, одарен душой свободной, разумной и бессмертной, желающей добра и верящей в творца вселенной»⁸.

В рассказах для детей нет ложного пафоса, нудного морализаторства и менторского тона. Они добры по своей интонации, полны доверия к своему читателю. Ушинский самым содержанием рассказов, их языком показал глубокое уважение к десятилетнему ученику — маленькому *человеку*. Ради него создавались эти новые книги. Цель книг — одновременное языковое и умственное развитие ученика. «Развивать язык отдельно от мысли невозможно...»⁹ Занятия языком, учение ребенка К. Д. Ушинским понимаются как труд: «Учение есть труд и должно остаться трудом, но трудом, полным мысли...»¹⁰ Не отрицая возможности *занимательности*, автор нового пособия выступает против «*потешающей* детей педагогики», которая «разрушает характер человека в самом зародыше»¹¹.

Воплощенные на практике идеи педагогики, обращенной к человеку, его внутреннему миру, развивающей потенциальные способности личности нашли полное теоретическое обоснование в междисциплинарной работе К. Д. Ушинского — «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии». Она во многом не исчерпана по своим идеям. В этой книге убедительно обоснованы антропологические основания педагогики, необходимость для педагога обширных познаний, «в которых излагаются, сличаются и группируются факты и те соотношения фактов, в которых обнаруживаются свойства *предмета воспитания*, т. е. человека»¹².

Такой же не исчерпанной до конца идеей является идея К. Д. Ушинского о значении родного языка в образовании. Этой идее при всей широте научных воззрений он был верен на протяжении всей жизни.

В работах К. Д. Ушинского русский язык предстает как проблема истории, культуры народа, как проблема теории познания и теории педагогики — дидактики и методики преподавания, как основание национальной школы. Язык, считает К. Д. Ушинский, «не есть что-нибудь прирожденное человеку и не какой-нибудь случайный дар, упавший человеку с

неба, но плод бесконечно долгих трудов человечества...»¹³

Мысли о значении родного русского языка в становлении человека и его духовном развитии высказаны в самых разных работах и по разным поводам. Вот «Письма о воспитании наследника русского престола» (1859). Читаем «Письмо первое»: «По какому же праву будущего русского царя воспитывает человек, который не знает ни слова по-русски? Мало этого, человек, который, живши десять лет в России, так презирает русскую народность, что не мог понять страницу русской книги. Неужели можно полагать, что этот факт неизвестен России и что он не бросил тени на будущее царствование?»¹⁴ Ушинский пишет о воспитании наследника страстно, не скрывая своих чувств, негодуя по поводу того, что воспитателем будущего царя избран г-н Г. Автор «писем» считает, что наследник должен с самого начала своего жизненного пути постигать современное состояние России, знать материальные и духовные потребности своего народа. И не только их знать, но и «перечувствовать». А без родного языка это невозможно.

Именно знание родного языка — начало всех начал в образовании. Язык — исток патриотизма, условие преодоления скудости знаний о родной стране, недопустимости этой скудости знаний у образованных сословий.

Язык неотделим от народа, его создавшего. В раскрытии этой связи К. Д. Ушинский использует столько образных средств, что не перестаешь удивляться его собственному языковому чутью, поэтичности его речи. Он находит в языке народа «много философского ума, истинно поэтического чувства, изящного, поразительно верного вкуса, следы труда сильно сосредоточенной мысли, бездну необыкновенной чуткости к тончайшим переливам в явлениях природы, много наблюдательности, много самой строгой логики, много высоких духовных порывов и зачатки идей, до которых с трудом добирается потом великий поэт и глубокомысленный философ...»¹⁵ Эта пре-

красная статья («Родное слово»), название которой совпадает с названием учебного пособия, представила русский язык как историю духовной жизни народа, отражение ее природы (небо, поля, горы и долины, леса и реки, бури и грозы), как вместительницу исторических событий и сердечных движений, как великого педагога и наставника.

Идея приобщения к родному языку как духовному сокровищу нашла дальнейшее развитие во втором учебном пособии «Родное слово» (1864). Это было учебное пособие для детей младшего возраста. Оно было понятно и интересно детям. В нем были сказки, пословицы, поговорки, песенки, прибаутки (например, знаменитая шутка «Тит! Иди молотить!»), рассказы об окружающем мире, о природе, о самих детях. Ребенок читал рассказы о доме, игрушках, одежде, кушаньях, растениях, животных — он осваивал одновременно язык и учился понимать мир вокруг себя.

К. Д. Ушинский понимал роль взрослого в сложном процессе учения ребенка. Поэтому он создал необычное произведение — «Родное слово. Книга для учащихся. Советы родителям и наставникам о преподавании родного языка по учебнику “Родное слово”».

Центральная идея этих «советов» — «изучение каждого предмета передается ребенку, усваивается им и выражается всегда в форме слова. Дитя, которое не привыкло вникать в смысл слова, темно понимает или вовсе не понимает его настоящего значения и не получило навыка распоряжаться им свободно в устной и письменной речи, всегда будет страдать от этого коренного недостатка при изучении всякого другого предмета»¹⁶. К. Д. Ушинский стремится передать наставникам детей мысль о том, что ребенок, не освоивший язык и не понимающий смысла слов, не сможет правильно пользоваться устной и письменной речью. Это принесет ребенку страдания при изучении всякого другого предмета. Смысл читаемого не может быть постигнут без понимания значения эпитетов, видов глагола, наречий, союзов, главного и при-

даточных предложений. В процессе изучения языка надо научить понимать причину и следствие, случайное и необходимое, о ком или о чем рассказывается. Родной язык, усвоенный сознательно, а не посредством зубрежки правил, становится, по Ушинскому, средством постижения и математики, и географии, и истории, и всех других наук. Уже при первоначальном изучении русского языка ребенок должен свободно и активно пользоваться словом: уметь заменять одно слово другим, менять порядок слов. Язык не должен оставаться «в цепях тех строчек, которые он заучил»¹⁷. Языковые способности ребенка должен развить и особым образом подготовленный учитель русского языка...

Отступление первое. Более 150 лет прошло с опубликования этих произведений. А как актуальны их идеи! В последние годы мне пришлось много работать с текстами учительских выступлений, немало их выслушать на различных конференциях, семинарах и даже конгрессах. С сожалением приходится отметить, что некоторые учителя-словесники слабо понимают то, о чем говорил Ушинский применительно к обучению родному языку. Это проявляется в непонимании некоторыми педагогами специфики той или иной речевой ситуации, в которой они оказываются сами: научный дискурс, рассказ о своем опыте, полемика, вопросительная или спонтанная ситуация и пр. Как и в чем это обнаруживается у некоторых учителей? В неясности речевого намерения говорящего, в игнорировании им специфики устного высказывания (невозможность оторваться от письменного текста, попытки именно в нем найти ответ на заданный вопрос и пр.). В устных выступлениях ряда учителей нечасто видишь способность паралингвистического воздействия на аудиторию, т. е. громкость речи, паузы, использование риторических приемов, жестов, мимики, интонационных средств. А когда анализируешь содержание выступления, встречаешься с некритическим заимствованием чужих источников, избыточную и немотивированную «онаученность», соче-

тающуюся с просторечной лексикой, с неумением создать композицию текста, обеспечить его логическую ясность и последовательность.

В таких случаях задаешься вопросом, а как учитель обеспечивает речевое развитие детей, как он использует язык в многостороннем духовном развитии личности? Может быть, сочинения Ушинского надо время от времени перечитывать и после получения педагогического образования?

* * *

Но вернусь к «Родному слову»... В чем видит его автор успешность обучения языку? Прежде всего, в наглядности. О ней он пишет много, с интересом, подробно. Какова же наглядность при обучении языку? Это, прежде всего, наблюдение за окружающим миром (его предметы, вещи, краски, формы, звуки, явления, процессы). Именно увиденное должно стать условием освоения языка. Это продуманная беседа учителя с детьми об окружающем мире, о понятных и близких предметах и явлениях. Наблюдение и беседа являются условием сознательного освоения языка, создания ребенком описаний близкого ему мира, его свободной и непринужденной речи.

Язык К. Д. Ушинский считал «словесным капиталом», «громким сокровищем», «духовным достоянием» всего народа и отдельного человека. Первыми наставниками в освоении языка он считал семью, родителей, няню ребенка. В процессе общения с ними ребенок язык осваивает в основном подражательно и стихийно. Главную роль в системе обучения языку К. Д. Ушинский отводил наставнику-учителю. В чем заключаются его обязанности?

1. В понимании, что освоение родного языка есть одна из «главнейших забот воспитания».

2. В воспитании быстрой и легкой привычки говорить; в постоянном пополнении словарного запаса ученика, в исправлении неправильности его речи.

3. В деятельном и гуманитарном отношении к грамматике как науке, «очеловечи-

вающей» человека, воспитывающей его самосознание. Это, считает К. Д. Ушинский, «начинается с той минуты, когда ребенок сознает связь подлежащего со сказуемым или согласование прилагательного с существительным»¹⁸.

4. В постоянном внимании учителя к осознанности речи воспитанника.

5. В приучении ребенка быстро и правильно выражать на письме свою изустную и мысленную речь.

Я постаралась наиболее близко к тексту передать эти положения К. Д. Ушинского. Они сформулированы ученым в высшей степени понятно, четко, современно. Обращает на себя внимание третье положение — о гуманитарном назначении грамматики, о ее роли в развитии самосознания человека, в противоположность мнению о формальном ее значении.

Современна и мысль о *совместном* достижении целей языкового образования — имеется в виду ученик и взрослый наставник. Эта совместная деятельность особенно проявляется в беседах наставника с детьми. На что должен ориентироваться в таких беседах педагог? Прежде всего, на обсуждение таких тем («предметов»), которые относятся к миру, доступному детскому пониманию. При этом надо «предохранять ... от недостойного обращения со словом, а не приучать к нему»¹⁹. А что понимает К. Д. Ушинский под таким недостойным обращением со словом? Думаю, следующие далее высказывания тоже современны:

«... Действительно хорошая речь вовсе не то, что гладкая болтовня, и что болтовню, не имеющую действительного содержания, нет никакой надобности развивать в детях, а, напротив, надобно подавлять...»²⁰

«И как часто приходится встречать в жизни достойные плоды такого исключительно *язычного* воспитания! Как часто приходится бороться по большей части безуспешно с такой изболтавшейся личностью, если она потом получает общественное значение, потому что нет ничего труднее, как провести разумную мысль действительности в голову такого господина, кото-

рый сам себя заслушивается и за красивой сетью своих собственных фраз не видит иногда страшной прорехи в мысли...»²¹

Отступление второе. Сегодня мы много и настойчиво говорим о коммуникативной компетенции как обязательном свойстве специалиста-гуманитария. Даже и нефилологи знают термины: дискурс, языковая личность, текст, концепт, речевая ситуация и др. Много и порой без всякой надобности говорится о диалоге и диалогическом мышлении — просто ради манифестации знаний в сфере гуманистики. Возникло условие, инициирующее гладкие и малосодержательные письменные тексты, устные речевые высказывания, переполненные лексикой гуманитарного свойства, но мало проясняющие суть обсуждаемого вопроса. Стоит только, к примеру, сравнить даваемые гуманитариями определения понятия «образовательное пространство»... Туманные, нарочито запутанные определения вновь и вновь возвращают нас к мыслям К. Д. Ушинского о роли языка в образовании, о высокой миссии учителя родного языка, о достойном использовании языка и слова.

Слушаю по радио выступление педагога-руководителя, который говорит о роли учителя в современном обществе. В его гладкой речи звучат слова: тьютор, модератор, консультант, аура, траектория и пр.! А слушательница задает вопрос, почему сейчас мало таких учителей, которые были раньше, как родные. В ответ она слышит рассуждение о том, что учитель не всегда успеваешь перестроиться, быть адекватным ситуации.

* * *

В знаменитой статье К. Д. Ушинского «О пользе педагогической литературы» есть, по-моему, абсолютно современная мысль: «Всякая программа преподавания, всякая метода воспитания, как бы хороша она ни была, не перешедшая в убеждение воспитателя, останется мертвой буквой, не имеющей никакой силы в действительности. Самый бдительный контроль в этом деле не поможет. Воспитатель никогда не может быть

слепым исполнителем инструкции: не согретая теплотой его личного убеждения, она не будет иметь никакой силы»²².

К чему обращает нас эта мысль Ушинского сегодня? К педагогическому воспитанию и педагогической литературе — эти два пути «свободного убеждения» Ушинский считает необходимыми в становлении убежденного педагога.

Мы не устаем говорить о любви педагога к детям как условия успешной деятельности. Но говорим ли мы о трудности этой любви? А К. Д. Ушинский говорит об этом. «Надобно столько любви к детям, чтобы *в одиночку* думать о них постоянно, и общество не имеет права требовать такой любви от кого бы то ни было, если оно не показывает участия к делу воспитания»²³. И правда. Часто ли мы говорим о монотонности учительского труда, однообразной учительской жизни, ее рутине? Нет. А Ушинский писал о том, что «наставническая и воспитательная деятельность, может быть, более чем какая-либо другая нуждается в постоянном оживлении»²⁴.

Другим спасительным источником в педагогической деятельности должна стать педагогическая литература. Но не любая, а «живая, современная и обширная». Такая литература воспитывает общественное мнение о воспитании, дает возможность учителю не замкнуться в границах своего опыта, а найти единомышленников, сочувствующих его вопросам, его поискам. Такая литература («живая, современная и обширная») позволяет преодолеть вечный конфликт между теорией и практикой, который изображен К. Д. Ушинским: «Часто педагог-теоретик, принимаясь за свое сочинение, прежде всего, отвлекает свою мысль от бессмысленной пестроты жизненных явлений, старается возвыситься до абстрактных начал воспитания <...> и начинает чертить путь воспитания, забывая, что главный вопрос о цели человеческой жизни, на решении которого основана вся его теория воспитания, разрешается в действительности с бесконечным разнообразием. Педагог-практик смеется над своим зафилософст-

вующим товарищем, чувствует всю неприложимость его стройной теории...»²⁵

* * *

Отступление третье. Актуальны ли вопросы, поставленные К. Д. Ушинским в этой статье? Безусловно, да. Есть ли у нас сегодня «живая, современная и обширная» педагогическая литература? Обширная есть. Современная тоже. А вот в какой степени она *живая*? И что это означает — *живость* педагогической литературы? Одно из значений слова «живой» — это «выразительный». Ушинский не раскрывает это свое определение, но, указывая на «дельную педагогическую книгу», оценивая «абстрактные начала» в рассуждениях теоретика, дает нам понятие о том, какая теоретическая книга нужна учителю. Думаю, что и сегодня мы еще не достигли вполне такого уровня, чтобы теоретические труды по педагогике вызвали у учителя неодолимое желание их прочитать, отозваться на их идеи, включиться в обсуждение, наконец, просто иметь их в своей библиотеке.

Представляя науку, мы подчас забываем, что в своих сочинениях научного характера необходимо представлять те их функции, о которых писал К. Д. Ушинский: «Педагогическая литература одна только может оживить воспитательную деятельность, придать ей тот смысл и ту занимательность, без которых она скоро делается машинальным препровождением времени, назначенного на уроки. Она одна

только может возбудить в обществе внимание к делу воспитания и дать в нем воспитателям то место, которое они должны занимать по важности возлагаемых на них обязанностей. Педагогическая литература устанавливает в обществе, с одной стороны, требования в отношении воспитания, а с другой — открывает средства для удовлетворения этих требований»²⁶. Эти требования вряд ли устарели...

Перечитывая сочинения К. Д. Ушинского и работы о нем, я думала о человеке широко образованном (стоит только проанализировать ссылки в его произведениях!), убежденном, имеющем самостоятельные и цельные взгляды на образование и педагогику, прекрасно владеющем словом, умеющем писать научно, понятно, образно и вдохновенно о простых педагогических явлениях и фундаментальных научных идеях.

На памятнике К. Д. Ушинскому (на его могиле близ Киева) надпись: «Константин Дмитриевич Ушинский — автор “Детского мира”, “Родного слова” и “Педагогической антропологии”. Умер на 47-м году жизни». «Наука требует всего человека, без задних мыслей, с готовностью все отдать и в награду получить тяжелый крест трезвого знания» — этими словами А. И. Герцена я закончу статью о К. Д. Ушинском. Они были современниками и скончались оба в 1870 г. Они были подвижниками науки и трезвого знания. Их имена неотделимы от истории ЛГПИ имени А. И. Герцена — РГПУ имени А. И. Герцена.

Примечания

1. В. В. Лишев (1877–1960) — известный советский скульптор, автор памятников А. С. Грибоедову, Н. Г. Чернышевскому в нашем городе.
2. Камеральные науки — термин, в настоящее время почти вышедший из употребления. Возник он в Германии в XVIII в., когда названием «к. науки» стали обозначать совокупность знаний, необходимых для надлежащего и успешного управления так называемой камерой, или камеральными, почти то же, что государственными имуществами (по словарю Брокгауза и Ефрона).
3. [Электронный ресурс] — режим доступа: [books.Google.Com/books?isbn](https://books.google.com/books?isbn)
4. *Ушинский К. Д.* Избранные педагогические произведения. — М., 1968. С. 7.
5. *Ушинский К. Д.* Педагогические сочинения: В 6 т. / Сост. С. Ф. Егоров. — М., 1988. Т. 1. С. 393.
6. *Ушинский К. Д.* Общий взгляд на возникновение наших народных школ // Педагогические сочинения: В 6 т. — М., 1988. Т. 2. С. 398.

7. *Ушинский К. Д.* Детский мир // Педагогические сочинения: В 6 т. — М., 1989. Т. 3. С. 37.
8. Там же. С. 45.
9. Там же. С. 9.
10. Там же. С. 14.
11. Там же.
12. *Ушинский К. Д.* Предисловие к I тому «Педагогической антропологии» // Педагогические сочинения: В 6 т. — М., 1990. Т. 5. С. 14.
13. *Ушинский К. Д.* Руководство к преподаванию по «Родному слову» // Педагогические сочинения: В 6 т. — М., 1989. Т. 4. С. 396.
14. *Ушинский К. Д.* Письма о воспитании наследника русского престола // Педагогические сочинения: В 6 т. — М., 1988. Т. 1. С. 322.
15. *Ушинский К. Д.* Родное слово // Избранные педагогические произведения. — М., 1968. С. 326.
16. *Ушинский К. Д.* Книга для учащихся. Советы родителям и наставникам о преподавании родного языка по учебнику «Родное слово» // Педагогические сочинения: В 6 т. — М., 1989. Т. 4. С. 39.
17. *Ушинский К. Д.* Родное слово. Книга для учащихся // Педагогические сочинения: В 6 т. — М., 1989. Т. 4. С. 39.
18. *Ушинский К. Д.* Руководство к преподаванию по «Родному слову» // Педагогические сочинения: В 6 т. — М., 1989. Т. 4. С. 398.
19. Там же. С. 400.
20. Там же.
21. Там же.
22. *Ушинский К. Д.* О пользе педагогической литературы // Педагогические сочинения: В 6 т. — М., 1988. Т. 1. С. 169.
23. Там же. С. 169.
24. Там же. С. 170.
25. Там же. С. 161–162.
26. *Ушинский К. Д.* О пользе педагогической литературы // Педагогические сочинения: В 6 т. — М., 1988. Т. 1. С. 169.